

11.06.1998, 00:00

Интервью Лихачева про Михалкова

Дмитрий Лихачев: я Михалкову дел не передавал

Информационные агентства распространили сообщение о том, что Дмитрий Лихачев направил письмо прокурору Москвы с просьбой защитить Библиотеку русского зарубежья, находящуюся сейчас в московском Доме Марины Цветаевой, от притязаний возглавляемого Никитой Михалковым Российского фонда культуры. Корреспондент Ъ АНДРЕЙ Ъ-СИНИЦЫН попросил прокомментировать эту информацию академика ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА.

— Дмитрий Сергеевич, что послужило поводом для обращения к прокурору?

— Это обращение связано с тем, что Никита Сергеевич Михалков требует от Дома Цветаевой вернуть Библиотеку эмигрантской литературы и эмигрантского архива, которые собирались, когда я был во главе Фонда культуры.

Дело в том, что это требование ни на чем не основано. Во-первых, потому что Фонд культуры в мое время существовал и собирал памятники культуры для их возвращения в музеи, библиотеки, архивы нашей страны, а не для себя лично, не для Фонда культуры. Фонд культуры не зарабатывал деньги, это была организация чисто благотворительная, которая занималась возвращением русских вещей на место.

Второй вопрос: насколько Фонд Никиты Михалкова является правопреемником Фонда культуры, который существовал при мне. Это вопрос крайне спорный, потому что я дел Фонда культуры Михалкову не передавал. Я не представляю себе, почему Фонд Михалкова должен считать себя правопреемником Советского фонда культуры.

— А разве он выступает именно с этих позиций, он считает, что правопреемство существует?

— Да.

— Вы не подскажете, когда и в какой форме Михалков потребовал вернуть этот архив?

— Он обратился к Катаевой-Лыткиной, главному организатору Дома

Цветаевой, которая в свое время мужественно отстаивала его от разрушения. От него просто приехали люди и потребовали отдать книги и эмигрантский архив. Хранителем библиотеки в тот момент был очень хороший молодой человек по фамилии Леонидов.

— Это случилось недавно?

— Нет. Полгода тому назад, по меньшей мере. Давно было. Я писал, потому что он через суд стал требовать, и пришлось библиотеку запереть, чтобы ее просто не украли у Дома Цветаевой...

— Каких действий вы ждете от прокурора?

— Я хочу, чтобы была установлена истина. Дом Цветаевой имеет право на библиотеку, которая ему была пожертвована Советским фондом культуры. У Советского фонда культуры был определенный статус, большой такой документ был: что делает, для чего служит и какими правами обладает фонд. Так вот, Советский фонд культуры ничего не передавал тому фонду.

— Эмигрантский архив является собственностью Дома Цветаевой или это спорный момент?

— Он является собственностью Дома Цветаевой. Я это и доказываю. Мы на заседании правления Советского фонда культуры этот вопрос решали коллективно, т. е. передать библиотеку Дому Цветаевой.

Дело в том, что дом, который был на бульваре, который сейчас принадлежит Фонду Михалкова, посещался посторонними лицами, и библиотека была как бы в незащищенном состоянии, она могла быть разграблена и т. д. И мы в свое время решили, что гораздо удобнее помещение в Доме Цветаевой, и отправили туда, вместе со штатной единицей вот этого молодого человека Леонидова, который уже полгода — безработный в результате закрытия этой библиотеки.

— Дмитрий Сергеевич, в сообщении "Интерфакса" говорится, что вы обеспокоены судьбой других ценностей Советского фонда культуры, а также его счетов.

— У Советского фонда культуры было довольно много денег, которые жертвовали и иностранные жертвователи, и наши в Советском Союзе. Мы содержали маленькие фонды культуры, региональные, в Твери, в Свердловске, даже одно время в Латвии и Эстонии. И в Ленинграде фонд культуры был, который получал заработную плату от нас, из Москвы. И когда у меня не приняли дела, не отчитались за них, я, естественно, был обеспокоен.

Я просил Михалкова, но из этого ничего не вышло, я не мог его застать. Тогда я обратился к бухгалтеру, чтобы мне сообщили, сколько они приняли денег от Советского фонда культуры. Выяснилось, что за короткий промежуток сменено несколько бухгалтеров, и никто ничего не знает. Я спросил, а вот был счет иностранной валюты, которую жертвовали временами нам эмигранты и вот такие лица, как мадам Варсоно, мне на это было отвечено, что никакого счета в иностранной валюте в фонде нет.

Может быть, он был законно истрачен, я же не знаю. Но я обеспокоен. Почему не оказалось в Фонде культуры иностранной валюты? Или подарки, которые я получил и по законам советского времени не имел права получать, я их поэтому отдал в фонд, они были заперты в несгораемом шкафу. Теперь говорят, что в этом несгораемом шкафу ничего нет. Куда они девались? Там были бриллианты от Фонда Оппенгеймера южноамериканского и там были запонки и авторучка.

— Дмитрий Сергеевич, а почему собственно Российский фонд не может считаться преемником советского? Это уже совершенно новая организация?

— Очевидно новая, ведь мы же ничего не передавали им. Должна быть какая-то передача. Тогда он может быть преемником.

— А Михалков не мог сделать все самостоятельно и просто обойтись без вас?

— Я был во главе фонда, он не мог без меня обойтись. Я не был привлечен и никаких документов не подписывал.

— Вы еще не получили никакого ответа от прокурора?

— Нет.

— Когда вы отправили письмо?

— Месяца три-четыре тому назад.

— А почему сейчас снова всплыла эта информация?

— Я думаю, что со стороны Михалкова, наверное, были какие-то толчки, требования повторные якобы возвратить библиотеку американской литературы.

— От Дома Цветаевой у вас есть последние новости?

— Нет. Я знаю, что суд не присудил возвращать, и иск Михалкова оставлен без последствий. Как это совпадает с моим письмом — я не знаю. Я писал, конечно, и Катаевой-Лыткиной. Она, очевидно, использовала это в своем выступлении в суде. Она ведь в этом деле

отказалась — это замечательный случай — от помощи юристов и сама вела все дело. Она замечательный человек. Она жила в этом доме и отстаивала его существование, когда было решено вообще его снести. И Юрий Лужков тогда за нее заступался.

Госпожа Катаева-Лыткина — военный хирург, она на фронте провела все время, храбрая женщина, и одновременно она — филолог, занимается Мариной Цветаевой. Когда она по старости вынуждена была уйти с хирургической работы, она работала как литературовед... Что мне было делать, как не встать на защиту обижаемого человека.